

ИЗМЕНА. Я ПРИНЕСЛА ТЕБЕ СЫНА

ЛИРА ВЕТРОВА
АНАСТАСИЯ ШЕРР

Анастасия Шерр

Измена. Я принесла тебе сына

«Автор»

2026

Шерр А.

Измена. Я принесла тебе сына / А. Шерр — «Автор», 2026

Я принесла мужу снимок нашего ребёнка. Хотела сказать, что после двух потерь у нас наконец получилось. Что я беременна. Что наш малыш жив и его сердце бьётся. Но дверь спальни открыла моя сестра. В рубашке Игната. Элина плакала и просила меня выслушать. Муж говорил, что всё не так, как я думаю. А я стояла посреди дома, который сама выбирала для нашей семьи, держала в сумке снимок нашего сына и понимала только одно. Моей семьи больше нет. Я ушла. Не сказала Игнату о беременности. А через четыре месяца он увидел меня снова. С животом. Под руку с женщиной, которого ненавидел много лет. И в тот вечер мой муж впервые понял, что потерял гораздо больше, чем жену.

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

И́змена. Я́ принесла тебе́ сына́

ИЗМЕНА. Я ПРИНЕСЛА ТЕБЕ СЫНА

Ли́ра Ветро́ва

Анастаси́я Шерр

16+

Глава 1

Я приехала к мужу сказать, что у нас будет ребёнок, а дверь нашей спальни открыла моя младшая сестра. На Элине была синяя рубашка Игната, та самая, которую я гладила ему утром перед его поездкой на объект. Рубашка доходила ей до середины бедра, светлые волосы лежали на плечах спутанными прядями, а на босой ноге белел маленький пластырь с клубничкой. Вчера я сама достала этот пластырь из аптечки, когда Элина сидела у меня на кухне, ругалась на новые туфли и ныла, что натёрла пятку до крови. За эту клубничку мой взгляд и зацепился. Мозг выбрал бытовую мелочь, потому что всё остальное не помещалось в голове.

Я стояла в коридоре загородного дома и чувствовала под ладонью жёсткий край белого конверта в сумке. Утром врач долго водила датчиком по животу, потом повернула монитор ко мне и сказала, что беременность развивается хорошо. После двух потерь я боялась радоваться. В прошлый раз тишина в кабинете закончилась словами, после которых я несколько месяцев просыпалась среди ночи и первым делом проверяла ладонью живот, уже пустой. Сегодня тишины не было. Я услышала частое сердцебиение и расплакалась так, что медсестра принесла салфетки. Срок был маленький, чуть больше пяти недель, но малыш жил. Я ехала к Игнату, представляя, как суну ему снимок и буду смотреть, как у моего невозмутимого мужа меняется лицо.

Теперь белый конверт лежал в сумке, а на полу спальни виднелся топ Элины. Наш серый плед сбился к ногам кровати, дверь ванной была приоткрыта, на тумбочке стояли два бокала. Я узнавала каждый предмет. Дом мы выбирали вместе семь лет назад, спорили о камине, о цвете стен, о кресле, которое Игнат ненавидел, а потом сам в нём засыпал. Здесь мы пережили первую годовщину после моего выкидыша, когда мне было тяжело находиться в городской квартире среди вещей, купленных для ребёнка. Теперь в нашей спальне пахло вином, мужским гелем для душа и духами сестры, которые я подарила ей на день рождения.

— Мирослава...

Элина произнесла моё имя тихо и потянула рубашку ниже, прикрывая бёдра. Этого движения хватило. Никакой случайности, никакого нелепого объяснения уже не существовало. На её шее краснел свежий след, и я смотрела на него, пока пальцы не заболели от того, как крепко держала сумку. Девочка, которую я забирала из школы, когда мама работала во вторую смену. Девочка, которой я отдала выпускное платье. Женщина, которая после развода две недели спала у меня на диване и плакала мне в плечо. Она стояла в рубашке моего мужа и сама боялась поднять глаза.

Из ванной вышел Игнат. Он был босой, в тёмных брюках, без рубашки, волосы мокрые. В руке полотенце. Он сделал два шага, увидел меня и остановился. Я прожила с этим мужчиной одиннадцать лет и знала, когда он злится, когда устал, когда врёт по мелочи, когда готов спорить до утра. Сейчас я увидела страх. Игнат посмотрел на меня, потом на Элину, на одежду у кровати и опять на меня. В его лице не было вопроса. Значит, он понимал, что именно я увидела, и уже пытался придумать, как это объяснить.

— Мира, выслушай меня.

Он двинулся ко мне. Я отступила и ударила плечом о стену. Боль была обычной, понятной, и я даже обрадовалась ей. Вот так должно работать всё: ударила — заболело. А не так, что любила человека одиннадцать лет, а потом открыла дверь и за несколько секунд перестала понимать собственную жизнь.

— Что ты мне объяснишь? Почему моя сестра без штанов в твоей рубашке?

Игнат бросил полотенце на перила и провёл ладонью по мокрым волосам. В тридцать девять он выглядел лучше, чем десять лет назад, когда бизнес только начинал приносить деньги, а мы жили в съёмной однушке и считали расходы до зарплаты. Я была рядом, когда

он спал по четыре часа, ел холодную лапшу из коробок, вкладывал всё в компанию и обещал, что однажды у нас будет большой дом. Мне нравилось верить, что мы строим жизнь вдвоём. Теперь я смотрела на его грудь, на знакомый шрам под ключицей и думала только о том, что Элина тоже, возможно, касалась его там.

— То, что ты увидела, не объяснить двумя словами.

Меня прорвало. Я засмеялась хрипло, зло, и Элина дёрнулась от этого звука. Слез ещё не было, только жар под кожей и дрожь в коленях. Я поставила сумку на комод, чтобы не уронить. Там был мой ребёнок. Единственная часть сегодняшнего дня, которую я не позволю им испачкать.

— Конечно. Тут целый отчёт нужен. Даты, таблицы, подписи. Ты же любишь порядок.

— Мира, не издевайся.

Его раздражение добило меня сильнее рубашки на Элине. Он ещё мог раздражаться на мой тон. Я шагнула к нему и ударила по щеке. Хлопок разнёсся по коридору, сестра всхлинула, Игнат повернул голову. На его скуле быстро выступило красное пятно. Ладонь горела, а мне хотелось ударить ещё. Потом низ живота потянуло знакомым неприятным спазмом, и я испугалась. Утром врач повторила дважды: больше отдыха, меньше нервов, следить за самочувствием. Я положила руку на сумку, прикрывая её собой, и в эту минуту поняла, что Игнат ничего не узнает. Ни сегодня, ни завтра. Я не скажу ему о ребёнке здесь, где моя сестра стоит в его рубашке.

— Сколько времени? — спросила я. — Мне нужна одна цифра.

Элина отвела взгляд. Игнат посмотрел на неё так зло, что ответ возник раньше слов. Это не одна ночь. Не пьяная ошибка, после которой двое людей проснулись и сами испугались того, что натворили. У них было прошлое. Пока я жила рядом с обоими, ездила по врачам, пыталась прийти в себя после второй потери, покупала сестре подарки и готовила мужу ужин, у них существовала отдельная жизнь.

— Мира, тебе сейчас лучше уехать и успокоиться. Я приеду, мы поговорим.

Я уставилась на него. В груди стало тесно от ярости. Даже теперь он пытался назначить время, распределить роли и решить, когда мне можно узнать правду. Так Игнат разговаривал с подрядчиками, которые сорвали сроки. Я много лет считала эту собранность силой. Сегодня она звучала издевательством.

— Сколько?!

Элина закрыла лицо ладонями. Плечи затряслись, но жалости я не почувствовала. Она плакала в доме, где восемь месяцев назад я сама лежала после больницы и не могла заставить себя встать с кровати.

— Восемь месяцев, — выдавила она.

Игнат резко повернулся к ней, но я уже считала. Восемь месяцев. Именно тогда я потеряла ребёнка второй раз. Тогда Игнат сидел у моей кровати, кормил меня бульоном с ложки, потому что руки дрожали, и говорил, что дети ему не важнее меня. Элина приезжала каждый день, привозила чистую одежду, обнимала меня, обещала, что боль станет тише. И где-то в эти недели они начали спать друг с другом.

— Это началось после больницы? — спросила я.

Никто не ответил. Игнат смотрел на меня, Элина — в пол. Их молчание оказалось честнее любых слов. Желудок свело, во рту появился кислый привкус. Я пошла к выходу, но Игнат перехватил меня за локоть. Его рука была горячей, знакомой, и от одного прикосновения меня затоснило сильнее.

— Ты не поедешь в таком состоянии. Я отвезу тебя.

Я выдернула руку и увидела на его лице растерянность. Он всё ещё думал, что имеет право заботиться обо мне. Эта мысль была настолько чудовищной, что слёзы наконец пошли. Я вытирала их тыльной стороной ладони и ненавидела себя за то, что плачу перед ними. Хотелось

уйти красивой, холодной, с идеальной осанкой. Получилось иначе: тушь потекла, плечо болело, колени дрожали, волосы липли к мокрым щекам.

— Домой? — спросила я. — В какую именно квартиру? В ту, где ты живёшь со мной, или сюда, где ты спишь с моей сестрой? Я запуталась, Игнат.

Он отпустил меня. Я сняла обручальное кольцо. Пальцы отекали за последние дни, кольцо сидело плотнее, чем раньше, и пришлось тянуть его, пока кожа не покраснела. Игнат следил за моими руками с таким выражением, что на краткий миг мне захотелось сделать ему больнее. Я бросила кольцо на каменный пол. Оно ударилось, подпрыгнуло и укатилось под консоль.

— Не делай этого на эмоциях, — сказал он растерянно.

Я вытерла щёки и посмотрела на мужа. Рядом с ним появилась Элина, всё ещё в его рубашке. Два человека, которых я любила больше остальных, стояли передо мной и боялись последствий, хотя восемь месяцев выбирали их сами.

— А ты восемь месяцев что делал? Холодный расчёт?

Я взяла сумку и вышла. Игнат пошёл следом, босиком спустился по ступеням, дёрнул ручку моей машины, но я уже заблокировала двери. Он ударил ладонью по стеклу и что-то крикнул. Я смотрела на него через лобовое стекло и впервые думала не о том, как ему больно или страшно, а о ребёнке под моим сердцем. Игнат не узнает. Я не дам ему ещё и эту новость в день, когда он уничтожил всё остальное.

Через несколько километров меня вырвало на обочине. Я сидела в сухой траве, прижимая ладони к животу, и пыталась дышать ровно. Телефон звонил в машине один раз, второй, пятый. Игнат. Потом Элина. Я не отвечала, пока на экране не появилось имя мамы. От неожиданности даже перестала плакать. Я уехала из дома меньше двадцати минут назад. Мама не могла знать, если ей никто не позвонил.

Сообщение пришло через минуту. Я открыла его и перечитала несколько раз, потому что мозг отказывался складывать слова в смысл.

«Мирочка, не руби с плеча. Элина мне всё рассказала. Приезжай ко мне. Нужно поговорить спокойно».

Не «что случилось». Не «почему Элина плачет». Не «где ты». Мама написала так, как пишут человеку, которого давно готовились уговаривать. Я нажала на вызов. Она ответила после первого гудка, и по её виноватому выдоху я поняла всё ещё до вопроса.

— Ты знала?

На другом конце линии повисла тишина. Я сидела на земле в светлом платье, испачканном пылью, держала телефон у уха и чувствовала, как сегодняшний день продолжает отнимать у меня людей одного за другим.

Глава 2

Мама долго не решалась признаться. Сначала попросила приехать, потом сказала, что я неправильно поняла её сообщение, потом начала говорить про давление, тяжёлое состояние Элины после развода, сложный характер Игната и то, что семейные дела нельзя решать на обочине дороги. Я слушала и понимала, что она тянет время. Раньше я бы дала ей это время. Сегодня во мне кончилась привычка облегчать другим разговоры.

— Ты знала про них или нет?

Мама заплакала. Не громко, а устало, как плачут люди, которым неприятно признавать свою вину. Она сказала, что два месяца назад увидела Игната и Элину вместе в ресторане. Они сидели в дальнем зале, держались за руки. Элина потом приехала к ней и призналась, что между ними связь. Мама заставляла сестру закончить её, ругалась, угрожала рассказать мне, но каждый раз откладывала разговор. Ей хотелось сохранить мою семью. Ей казалось, что Игнат перебесится, Элина опомнится, а я никогда ничего не узнаю.

— Ты решила за меня, — сказала я. — Решила, что мне лучше быть дурой.

— Я хотела уберечь тебя. После того, что было с беременностями, я боялась, что ты не выдержишь ещё одного удара.

Я закрыла глаза. Вот она, удобная формула, которую люди используют, когда предаются из лучших побуждений. «Я хотела уберечь». Мама знала, что сестра спит с моим мужем, приходила ко мне на чай, спрашивала, как у нас дела, слушала, как я жалуясь, что Игнат задерживается на работе. И каждый раз уходила домой с правдой во рту.

— Ты не меня берегла. Ты Элину берегла от последствий.

Она попыталась возразить, но я отключила звонок. Телефон тут же завибрировал снова. Я выключила звук, умыла лицо водой из бутылки и долго сидела за рулём, не включая двигатель. Домой ехать нельзя. В городской квартире шкафы были полны вещей Игната, на кухне стояла его чашка, а на тумбочке лежала книга, которую он читал по вечерам. Я не могла провести там ночь. К маме тоже дороги не было. Элина могла приехать туда, а мне хотелось никогда больше не видеть её лица.

Я сняла номер в гостинице у центра. Администратор посмотрела на моё измятое платье и распухшие глаза, но вопросов не задала. В номере пахло чистым бельём и дешёвым кондиционером. Я сняла туфли, увидела кровавый след на пятке и вдруг вспомнила пластырь с клубничкой на ноге Элины. Меня затрясло. Я села на пол между кроватью и стеной, прижала колени к груди и редела до тех пор, пока не заболела голова. Мне вдруг стало страшно за ребёнка. Я позвонила врачу, соврала про семейный конфликт и спросила, опасен ли стресс. Она велела следить за выделениями и болью, пить воду, постараться лечь, а при любых тревожных симптомах ехать в клинику.

К ночи Игнат прислал больше сорока сообщений. В первых требовал сказать, где я. Потом просил ответить. Потом написал, что всё объяснит и что Элина для него ничего не значит. Эта фраза почему-то оказалась одной из самых мерзких. Если она ничего не значила, зачем восемь месяцев? Зачем было разрушать нас ради «ничего»? Я не открывала остальные сообщения. Удалила чат с главного экрана и включила режим без уведомлений.

В два часа ночи я вспомнила про документы. Паспорт лежал в сумке, банковские карты тоже. Но ноутбук, рабочие проекты, одежда, лекарства, семейные бумаги остались в квартире. Утром пришлось бы туда вернуться. Мысль о встрече с Игнатом вызывала холод в руках. Я решила ехать, пока он на работе, забрать минимум и снять квартиру на месяц. Впервые за одиннадцать лет я планировала жизнь не как «мы», а как «я». Даже это слово давалось с трудом.

Утром я проснулась от тошноты. Голова была тяжёлая, веки опухли, горло саднило от плача. После душа я долго смотрела на телефон и всё-таки написала Игнату: «С девяти до

одиннадцати заберу вещи из квартиры. Не приезжай». Ответ пришёл через минуту: «Хорошо. Но мы поговорим». Я ничего не ответила.

В квартире было тихо. Его куртки на вешалке не было, чашка после утреннего кофе стояла в мойке. Я закрыла дверь на замок и несколько секунд держалась за ручку. Любовь никуда не исчезла за ночь. От этого хотелось орать. Я ненавидела человека и одновременно знала, в каком ящике лежат его таблетки от головы.

Я достала чемодан и начала складывать одежду. Джинсы, свитера, бельё, зарядки, косметичку. Каждый предмет тащил за собой кусок общей жизни. Футболку Игнат подарил на море, халат выбирал сам, серёжки на комод купил после первой годовщины. Серёжки я оставила. Не хотела уносить всё только потому, что могла.

Телефон вибрировал на кровати. Игнат писал, что всю ночь искал меня, звонил подругам и объезжал гостиницы. Потом просил хотя бы сообщить, что я жива. Я смотрела на экран и чувствовала злость: он восемь месяцев спокойно жил с тайной, а теперь двадцать часов неизвестности казались ему невыносимыми.

Я набрала единственный вопрос: «Восемь месяцев — правда?» Ответа не было несколько минут. Потом пришло короткое «Да» и следом голосовое сообщение длиной почти семь минут. Я не хотела слушать. Всё равно нажала воспроизведение и продолжила складывать вещи, потому что рукам нужно было заниматься хоть чем-нибудь.

Игнат говорил хрипло и с запинками. После второй потери мы оба развалились. Я закрылась, месяцами жила врачами и обследованиями, не позволяла к себе прикасаться. Он боялся сделать хуже и начал задерживаться на работе. Элина приезжала, спрашивала, как он держится. Однажды они выпили, поцеловались. Он остановился. Через несколько дней сам написал ей. Дальше связь повторялась снова и снова.

Я складывала носки и слушала, как муж объясняет восемь месяцев измены после моего выкидыша. Бытовая нелепость спасала от истерики. Если бы я перестала двигаться, то, наверное, разбила бы зеркало или разнесла шкаф. Игнат несколько раз повторил, что не обвиняет меня. Но объяснение всё равно звучало так, словно моя боль оставила свободное место, а он не выдержал одиночества.

В конце голосового он сказал: «Я виноват. Полностью. Мне нет оправдания. Я тебя люблю». Я остановила запись и села на пол. Любит. Утром целовал меня в висок, вечером ехал к Элине. Возвращался домой, спрашивал про анализы, ложился рядом. Любовь у него прекрасно уживалась с расписанием измен.

Я написала: «А её любишь?» Ответ пришёл быстро: «Нет». От этих трёх букв стало ещё хуже. Восемь месяцев лжи ради женщины, которую он не любит. Если бы речь шла о великой роковой страсти, мне хотя бы было что ненавидеть кроме его слабости. Теперь не было даже этого.

Чемодан уже не закрывался. Я села сверху, застегнула молнию и написала: «Я подаю на развод». Телефон тут же зазвонил. Я сбросила. Игнат позвонил снова, потом ещё. Наконец прислал: «Нет. Мы не будем решать это за сутки». Старый Игнат вернулся даже через экран — тот, который привык назначать сроки и считать, что его решения весомее чужих.

«Развод не требует твоего согласия», — ответила я. Он просил неделю, обещал рассказать всё, требовал не исчезать. Я смотрела на эти сообщения и впервые ясно видела, сколько нашей семейной жизни строилось вокруг его уверенности: если Игнат решил, значит, так и будет. Раньше это казалось надёжностью. Теперь душило.

В прихожей взгляд упал на семейную фотографию: море, белая рубашка Игната, мои волосы растрёпаны ветром, мы смеёмся. Снимок был сделан полгода назад. Значит, он уже спал с Элиной. Я сняла рамку со стены и положила лицом вниз на тумбу.

Перед выходом пришло ещё одно сообщение: «Я закончил с ней вчера. Ещё до того, как ты приехала. Мы встретились поговорить». Я устала на экран, вспомнила рубашку,

два бокала, смятую кровать и влажные волосы Игната после душа. У них были удивительные способы заканчивать отношения.

Я написала только: «Очень убедительный разговор». После этого выключила телефон. Чемодан тяжело ударял по ступеням, в сумке лежал белый конверт, а под сердцем жил ребёнок, о котором Игнат ничего не знал. Я не собиралась отдавать ему эту новость в обмен на обещание стать хорошим мужем.

На улице вызвала такси до офиса адвоката, которого нашла ночью. Уже в машине включила телефон. Первым появилось сообщение Игната: «Я не дам тебе исчезнуть». Я прочитала и впервые за сутки почувствовала не только боль. Злость оказалась горячей, живой и очень нужной. Именно она помогла мне открыть дверь адвокатской конторы.

Глава 3

Через неделю я знала о разводах больше, чем хотела узнать за всю жизнь. Совместно нажитое имущество, доли в компании, брачный договор, счета, квартира, загородный дом, машина, которую Игнат оформил на меня. Наш брак был не только фотографиями, привычками и общими вечерами. Он оказался папкой с документами толщиной в три пальца. Адвокат Елена Сергеевна говорила спокойно, иногда делала пометки, а я смотрела на собственную фамилию в договорах и чувствовала себя человеком, который случайно попал на похороны собственной жизни.

Я не хотела войну за деньги. Но и уходить с одним чемоданом не собиралась. Первые годы я работала вместе с Игнатом, рисовала проекты, искала заказчиков, ездила на стройки, пока его компания состояла из него, меня и двух инженеров. Когда бизнес вырос, я отошла от управления и вернулась к архитектуре, потом после первой потери сократила нагрузку. Игнат привык говорить «моя компания», хотя мы оба помнили, что начиналась она на нашей кухне. Адвокат посоветовала не делать подарков из чувства вины. Я согласилась. Любви больше не хватало на то, чтобы спасти его от последствий.

Беременность пока оставалась моей тайной. На повторном осмотре врач увидела всё, что должна была увидеть, назначила анализы и попросила не работать ночами. Я кивала, делала вид, что живу нормальной жизнью, а потом выходила из клиники и сидела в машине, прижав снимок к груди. Ребёнок стал единственным местом, где я не хотела никому ничего доказывать. Я разговаривала с ним по вечерам, смущаясь собственной сентиментальности. Обещала, что мы справимся. Обещание звучало смело только в пустой съёмной квартире.

Игнат звонил каждый день. Я заблокировала его номер, он писал с рабочих, с телефона водителя, присылал письма на почту. Не угрожал, не давил открыто, но в каждом сообщении было его привычное убеждение, что любой кризис можно разобрать на пункты и решить. Он просил встретиться, обещал рассказать всё, говорил, что не живёт с Элиной, что выгнал её из загородного дома, что готов продать дом, если я не смогу туда вернуться. Какое-то время я читала сообщения. Потом перестала. Мне не нужен был новый интерьер. Мне нужен был муж, который восемь месяцев назад решил не писать моей сестре. Такого мужа не существовало.

На девятый день Элина приехала к моему дому. Адрес она узнала у мамы, а мама, видимо, решила продолжить традицию распоряжаться моей жизнью. Я вышла из подъезда и увидела сестру у машины. Она похудела, волосы собраны небрежно, под глазами синеватые тени. На ней была моя старая куртка, которую я отдала ей прошлой зимой. Это ударило нелепо и больно: даже теперь она носила что-то моё.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Я остановилась на ступенях. На улице моросил холодный дождь, зонт остался дома, а возвращаться за ним не хотелось. Элина шагнула ко мне, но я подняла ладонь. Она послушно остановилась. Впервые за всю нашу жизнь между нами возникло расстояние, которое я сама выбрала.

— Пять минут. Потом уходи.

Элина кивнула. Она сказала, что не хотела разрушать мой брак, что всё началось в худший период нашей жизни и потом стало невозможно остановить. Игнат якобы много говорил обо мне, переживал, хотел, чтобы я вернулась к прежней себе. Чем больше она говорила, тем сильнее мне хотелось ударить её не рукой, а точным вопросом.

— Ты его любишь?

Она заплакала. Ответ был очевиден. Мне стало легче и хуже одновременно. Значит, для Элины восемь месяцев тоже были не развлечением. Она забрала чужое и успела построить внутри себя будущее с моим мужем.

— Да, — сказала она. — Я люблю его.

Я посмотрела на мокрый асфальт. Машины шуршали по дороге, кто-то ругался у магазина, женщина тащила за руку ребёнка в жёлтой шапке. Мир жил своей обычной жизнью, пока сестра признавалась мне в любви к моему мужу.

— А он тебя?

Элина вытерла лицо. В этот раз ответа не было. Я поняла, что Игнат уже успел объяснить ей, что жена важнее. Наверное, это должно было польстить мне. Не польстило.

— Он сказал, что любит тебя. Сказал, что всё закончилось.

— И ты пришла ко мне зачем? Чтобы я вернула его тебе? Или чтобы пожалела?

Она вскинула голову. В глазах появилась злость, и эта злость была мне знакома. Элина с детства не умела долго оставаться виноватой. Ей всегда требовалось найти обстоятельство, которое сделает боль справедливее.

— Ты два года жила только беременностями! Ты не видела его. Он домой приходил, а ты считала дни цикла, анализы, таблетки. Я видела, как он одинок.

Вот теперь удар пришёл. Не ладонью — словом. Я стояла под дождём и смотрела на сестру, которая восемь месяцев спала с моим мужем, а теперь рассказывала, какой плохой женой я стала после двух потерянных детей. Раньше я бы начала объясняться. Сказала бы, как мне было больно, как я боялась, как Игнат сам хотел ребёнка. Сегодня оправдываться перед ней не хотелось.

— Ты права в одном. Я его не видела. Потому что лежала после операции и хоронила нашего ребёнка. А ты увидела свободное место и полезла туда.

Элина побледнела. Я прошла мимо неё. Она крикнула мне вслед, что Игнат всё равно не отпустит, что мы слишком долго вместе, что он вчера ночевал у офиса, потому что не может быть дома. Я не обернулась. В машине руки дрожали так, что ключ пришлось вставлять дважды. Потом я вспомнила, что врач запретила мне кофе на голодный желудок, достала из сумки печенье и заставила себя съесть половину. Даже ненависть не отменяла тошноту и необходимость завтракать.

В тот же день я позвонила рекрутеру, с которым переписывалась до свадьбы подруги прошлой весной. Я хотела полноценную работу. Не фриланс, не проекты, которые Игнат передавал мне через знакомых, не должность «жены владельца компании». Свою. Через два дня мне назначили собеседование в архитектурном бюро «Гранов и партнёры».

Название я увидела только в письме и долго смотрела на экран. Савелий Гранов. Когда-то лучший друг Игната и его первый партнёр. Шесть лет назад они разошлись так, что после этого в нашем доме имя Савелия не произносили. Игнат говорил, что Гранов пытался увести клиентов и деньги. Я поверила мужу. Савелий тогда позвонил мне один раз, хотел объяснить свою версию, но я не стала слушать. Сказала, что выбираю семью. Теперь мне предстояло идти к нему просить работу.

Я могла отказаться. Рекрутер прислал ещё два варианта, один даже с большей зарплатой. Но во мне уже жила новая упрямая часть, которой надоело выбирать удобные дороги. Я подтвердила собеседование и закрыла ноутбук.

Через минуту пришло письмо от адвоката. Игнат отказался обсуждать добровольное соглашение о разводе. Он требовал личной встречи со мной до подачи документов в суд.

Я прочитала письмо, потом посмотрела на подтверждение собеседования у Савелия Гранова и усмехнулась. Если Игнат хотел усложнить развод, у него получилось. Только он ещё не знал, что за эту неделю я тоже перестала быть женщиной, которая делает всё, чтобы ему было удобно.

Глава 4

Савелий Гранов открыл дверь переговорной сам. За шесть лет он изменился меньше, чем я ожидала. Стал суше, резче, у висков появилась седина, а улыбка исчезла совсем. Раньше он много смеялся, особенно над Игнатом. Они были разными: муж вспыльчивый, тяжёлый, привыкший продавливать решения, Савелий спокойнее, наблюдательнее. Их дружба держалась на этом различии, пока однажды не закончилась так громко, что половина строительного рынка обсуждала скандал несколько месяцев.

Я пришла в тёмном брючном костюме, который ещё скрывал беременность, собрала волосы и старалась выглядеть человеком, который не плакал утром в ванной из-за того, что зубная щётка Игната случайно выпала из коробки с вещами. Савелий посмотрел на меня, на папку с портфолио, потом на рекрутера. По его лицу было видно: фамилию кандидата ему не сообщили.

— Мирослава Руднева, — представилась я, хотя это было глупо. — Добрый день.

— Я помню, как тебя зовут.

Он предложил сесть. Никакого сочувствия, неловких вопросов о разводе, упоминаний Игната. Это помогло. Мы сорок минут говорили о проектах, моём опыте, о том, почему последние два года в портфолио было меньше крупных работ. Я сказала, что занималась здоровьем и семьёй. Савелий не полез дальше. Он показал концепцию жилого комплекса, спросил, что я изменила бы в планировке первых этажей. Через десять минут я уже спорила с ним о проходных зонах и забыла, что пришла в бюро человека, которого муж считает врагом.

Тошнота накрыла ближе к концу встречи. Я успела попросить паузу и дошла до туалета, где долго стояла над раковиной, дыша через рот. Организму было всё равно, что у меня важное собеседование. Беременность жила по собственному расписанию. Я умылась, поправила волосы и увидела в зеркале Савелия, который ждал у двери коридора с бутылкой воды.

— Если тебе плохо, встречу можно перенести.

— Не надо. Я в порядке.

Он протянул воду и не стал спорить. Только взгляд задержался на моём лице, потом опустился к руке, которой я прикрыла живот. Я убрала ладонь и разозлилась на себя. Тайна стала управлять каждым движением.

После собеседования Савелий попросил остаться. Рекрутер вышел, дверь закрылась, и впервые тема Игната стала неизбежной. Я ожидала торжества. Человек, которого выгнали из общей компании, наверняка мог получить удовольствие от того, что жена его бывшего друга пришла искать работу именно к нему. Савелий вместо этого налил чай и сел напротив.

— Я не знаю, что у вас произошло, — сказал он. — И не хочу знать, если это не влияет на работу. Но если ты пришла сюда, чтобы позлить Игната, нам не по пути.

Мне стало стыдно. Мысль о реакции мужа мелькнула, когда я подтверждала встречу. Но работать я хотела не ради мести.

— Я пришла, потому что мне нужна работа. Моя. Без его фамилии за спиной.

Савелий долго смотрел на меня, потом открыл портфолио ещё раз. Он предложил испытательный месяц и проект нового квартала. Условия были честные, без скидки на прошлое. Я согласилась. Когда подписывала предварительные бумаги, рука дрогнула от усталости, и я вспомнила, что не ела с утра. Савелий заметил, достал из шкафа упаковку печенья и молча поставил рядом. Меня рассмешило. Впервые за две недели я засмеялась нормально, без истерики.

— У вас тут всех кормят на собеседованиях?

— Только тех, кто собирается упасть в обморок на мой новый ковёр.

Я съела печенье и ушла с ощущением, что сделала первый шаг в жизнь, где Игнат не определяет маршрут. До парковки дошла в хорошем настроении. Потом телефон завибрировал. Незнакомый номер прислал одно сообщение: «Ты серьёзно? Из всех бюро города — Гранов?» Мне не понадобилась подпись.

Новость о собеседовании дошла до Игната быстрее, чем я успела выехать с парковки. Город большой только на карте. В строительном бизнесе люди обедают за соседними столами, подрядчики переходят из компании в компанию, а чужая фамилия становится новостью раньше договора.

Я написала: «Вполне серьёзно. Меня взяли на работу». Ответ появился почти немедленно. Игнат утверждал, что Савелий использует меня против него, что я не знаю Гранова и однажды пожалею. Я читала и чувствовала знакомое раздражение: муж снова объяснял взрослой женщине, кого ей можно знать и где работать.

«Не льсти себе. Мы говорили о работе», — ответила я. Игнат набирал несколько минут. Потом пришло: «Ты не знаешь его». Я смотрела на эти четыре слова и думала о человеке, которого знала одиннадцать лет. Пальцы сами напечатали: «Я и тебя, оказывается, не знала». После этого он замолчал надолго.

Я села в машину, положила папку с договором на соседнее сиденье и неожиданно заметила, что жду ответа. Даже теперь часть меня хотела знать, ел ли Игнат, спал ли, где находится. Любовь не умерла после открытия двери. Она стала болезненной привычкой, которая продолжала тянуть руку к телефону.

Через десять минут он написал о документах на развод. Сказал, что не подпишет ничего, пока мы не поговорим лично, и закончил фразой: «Я не хочу развода, Мира». Я прочитала её несколько раз. Восемь месяцев он хотел сестру и жену одновременно. Теперь хотел сохранить брак. Его желания почему-то всегда предполагали, что остальные подстроятся.

«А я не хотела сестру в нашей постели. Мы оба не получили желаемого», — отправила я. Игнат позвонил. Я сбросила. Позвонил ещё раз. Потом пришло сообщение: «Возьми трубку. Я не знаю, как до тебя достучаться». Я выключила звук. До меня уже достучались. Синей рубашкой, смятой кроватью и восемью месяцами.

Тошнота накрыла, когда я уже пристегнулась. Пришлось открыть дверь, посидеть, опустив голову, и выпить воды маленькими глотками. Ладонь легла на живот. Игнат не видел меня и не должен был увидеть до тех пор, пока я сама не решу, что делать с этой правдой. Ребёнок не станет аргументом в споре о разводе.

Я написала мужу последнее сообщение на тот день: «Со мной — развод. Остальное тебя не касается». Потом заблокировала номер. Тайна становилась тяжелее, но мне требовалось хотя бы несколько недель, в которых Игнат не сможет использовать беременность как повод вернуть контроль.

По дороге домой я позвонила врачу и перенесла следующий приём на раннее утро. Не потому, что Игнат мог караулить клинику, а потому что не хотела сталкиваться со знакомыми. Я ещё не умела отвечать на вопрос «как дела» без желания либо соврать, либо расплакаться.

Вечером Савелий прислал договор и короткую приписку: «Выходишь в понедельник. И поешь перед работой». Я усмехнулась. В его сообщении не было ни Игната, ни жалости, ни попытки спасти. Только работа и печенье, которое я действительно опять забыла купить домой.

Следом написала мама. Элина уехала из города, Игнат выгнал её из загородного дома, а мама просила меня вернуться к мужу, пока «ошибка не разрушила семью навсегда». Я положила телефон экраном вниз. Ошибка длилась восемь месяцев. Семьи больше не было. В понедельник у меня начиналась новая работа.

Глава 5

В понедельник я пришла в бюро раньше уборщицы и двадцать минут стояла у закрытой двери, злясь на себя за эту нелепую пунктуальность. Спать я перестала нормально ещё в гостинице. В съёмной квартире было тихо, непривычно и пусто, поэтому ночью мозг превращал любую мелочь в повод вспоминать Игната. Где лежит его зарядка. Как он морщит нос от слишком сладкого чая. Почему я до сих пор тянусь к правой стороне кровати, хотя там никто не спит. Работа была единственным местом, где я могла на несколько часов перестать быть обманутой женой и снова стать архитектором, который спорит о фасадах, ругается на кривые визуализации и забывает пообедать.

Савелий появился через десять минут, увидел меня у двери и молча поднял брови. На нём были джинсы, тёмный свитер и куртка, а не строгий костюм, который я помнила по его встречам с Игнатом. Он открыл офис, включил свет и показал моё рабочее место. Никаких особых условий. Компьютер, стол, стопка документов по проекту, список сотрудников. Я была благодарна именно за это. После последних недель любое сочувствие резало сильнее грубости. Мне не хотелось, чтобы коллеги видели во мне жену Руднева, которую бросили или которая сама ушла. Я хотела, чтобы они ругались на мои правки и спрашивали, успею ли я к сроку.

К полудню стало ясно, что организм моих карьерных планов не разделяет. Запах кофе из кухни вызвал тошноту, от экрана заболели глаза, а в два часа я обнаружила, что третий раз перечитываю один и тот же абзац технического задания. Я заставила себя съесть йогурт и яблоко. Савелий прошёл мимо, увидел еду и усмехнулся, но ничего не сказал. В три позвонила мама. Я сбросила. Через минуту она позвонила снова. После пятого вызова я вышла на лестницу и ответила, потому что боялась, что случилось что-то действительно серьёзное.

— Мирочка, Элина вернулась. Она очень плоха. Мне страшно за неё.

Я прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Мама говорила торопливо: сестра почти не ест, не выходит из комнаты, Игнат не отвечает на её сообщения. Она просила меня хотя бы поговорить с Элиной, потому что та «держится на честном слове». Я слушала и чувствовала, как знакомая обязанность быть старшей, разумной, сильной пытается снова залезть мне на плечи.

— Мам, я не буду её спасать от последствий связи с моим мужем.

— Я не прошу спасать. Ты же сестра. Она ошиблась, но она человек.

В животе неприятно заныло. Я выпрямилась и медленно вдохнула. Не страх, сказала себе. Усталость. Нервное напряжение. Такое бывало и раньше. Но через несколько секунд боль повторилась. Тихая, тянущая, совсем не похожая на то, что я чувствовала в прошлые беременности, и именно поэтому испугала ещё сильнее.

— У меня встреча. Я перезвоню.

Мама начала что-то говорить, но я отключилась. В туалете увидела на белье тонкую розовую полоску. Мир не рухнул, стены не поплыли, я не закричала. Я стояла под белым офисным светом и очень аккуратно складывала бумажную салфетку, потому что руки вдруг стали чужими. Потом набрала врача. Она велела ехать в клинику. Я вышла из туалета с сумкой, не помня, выключила ли компьютер.

Савелий встретил меня в коридоре. Одного взгляда ему хватило, чтобы перестать шутить. Я сказала, что мне нужно уйти по здоровью. Он спросил, могу ли я вести машину. Я ответила, что да, и тут же поняла, что не могу: колени дрожали, а перед глазами стояла та больничная палата после второй потери.

— Я отвезу, — сказал он.

— Не надо. Вызову такси.

— Мирослава, ты белая. Садись в лифт.

В его голосе не было ни жалости, ни приказа. Только спокойная уверенность человека, который уже принял решение и не собирается устраивать дискуссию в коридоре. Я могла отказаться. Вместо этого кивнула. В машине мы почти не разговаривали. Я смотрела на город, на людей с пакетами, на школьников у перехода, на курьера, который ругался в телефон, и думала, что у всех этих людей сейчас тоже есть свои беды. Но моя беда помещалась в несколько сантиметров внутри меня, и больше ничего не имело значения.

В клинике Савелий остался в холле. Я попросила его не ждать, он сказал, что у него ноутбук и два созвона, поэтому моё мнение по этому вопросу не требуется. Я не стала спорить. В кабинете врач долго смотрела монитор. Я лежала, сжав край простыни, и боялась спросить. Потом она повернула экран и показала маленькую точку, у которой билось сердце. Всё было на месте. Небольшая отслойка требовала покоя и лечения, но угрозы на этот момент не было.

Я расплакалась так резко, что врач испугалась. Слёзы шли без остановки, тело трясло от облегчения. Я прижимала салфетку к носу и кивала на каждую инструкцию. Лежать несколько дней. Никаких тяжестей. Контроль через неделю. Если боль усилится или появится кровь — в стационар.

В холле Савелий встал, увидев моё лицо. Я отдала ему лист с назначениями, потому что не могла говорить. Он прочитал верхнюю строку, где крупно было написано «беременность 7 недель», и поднял глаза. В его лице мелькнуло удивление, затем оно исчезло.

— Всё хорошо?

— Пока да.

Он вернул лист. Не спросил, чей ребёнок. Не начал считать сроки. Не произнёс имя Игната. Эта деликатность ударила по мне неожиданной благодарностью. Я сказала, что никто не знает и я не хочу, чтобы знали. Савелий кивнул.

— Значит, никто не узнает от меня.

Он отвёз меня домой, занёс сумку, поставил на кухонный стол пакет с продуктами, который успел купить по дороге, и ушёл. Не остался сторожить, не давал советов, не пытался играть в спасателя. Я долго стояла у двери, слушая, как затихают его шаги на лестнице. Потом легла на диван, положила ладонь на живот и впервые за несколько дней почувствовала не отчаяние, а усталое облегчение.

Вечером пришло письмо от адвоката. Игнат согласился на юридическую встречу, но только при моём присутствии. Елена Сергеевна написала, что это последний шанс договориться без суда о большей части имущества.

Я посмотрела на назначения врача, на пачку таблеток и на календарь. Встречу назначили через пять дней. Мне нужно было лежать и не нервничать, а вместо этого предстояло сидеть напротив мужчины, который уже однажды забрал у меня ощущение безопасности. Я ответила адвокату одним словом: «Буду».

Через минуту телефон завибрировал. Неизвестный номер. Сообщение было коротким: «Мира, это Игнат. Я узнал про Гранова. Не делай из него оружие против меня».

Я прочитала и заблокировала номер. Он всё ещё думал, что моя жизнь существует вокруг его войны с Савелием. Игнат не представлял, что главную тайну я защищаю не от него ради мести. Я защищаю её ради себя и ребёнка.

Глава 6

На юридическую встречу Игнат не пришёл. После моего требования общаться только через адвокатов он наконец перестал караулить звонками и прислал своего юриста. Я всё равно пришла раньше назначенного времени и несколько минут сидела перед закрытой переговорной, глядя на пустой стул напротив. Отсутствия Игната не успокаивало. Наоборот, я слишком хорошо знала, кто стоит за каждой папкой на столе.

За пять дней отсложка не увеличилась, врач разрешила осторожно вернуться к работе, но потребовала избегать нервных перегрузок. Смешная просьба для женщины, которая делит одиннадцать лет брака на квадратные метры, доли и счета. Я решила, что при первых неприятных ощущениях встану и уйду. Больше никаких попыток выдержать ради приличий.

Юристы начали с имущества. Игнат соглашался оставить мне городскую квартиру, машину и часть инвестиционного счёта. Загородный дом хотел продать. Долю в компании предлагал выкупить по оценке ниже той, что называла Елена Сергеевна. Я слушала и удивлялась, как быстро привычный муж превратился в набор официальных формулировок, которые другой человек читал с листа.

Когда дошли до развода, его юрист сообщил, что Игнат подпишет имущественное соглашение, но не хочет подавать совместное заявление. Елена Сергеевна спокойно напомнила: развод состоится и без его согласия. Ответом стала просьба о личной встрече со мной. Я отказалась. Если Игнату понадобилось восемь месяцев, чтобы научиться жить двойной жизнью, мне не требовалось сидеть перед ним ещё час и слушать, почему наш брак надо спасать.

В папке оказался отдельный лист от Игната. Он написал, что не видел меня с того дня в загородном доме, не знает, где я живу и как себя чувствую, и просил хотя бы один разговор. Я дочитала до конца, сложила бумагу пополам и вернула юристу. То, что он тревожился, не давало ему права снова выбирать удобную для себя форму моего ухода.

Потом адвокат Игната достал договор аренды квартиры в новом доме на набережной. Фамилия арендатора была не Игната, а его помощника. Срок — семь месяцев. Я увидела адрес и поняла раньше объяснений. Не гостиницы. Не случайные встречи. Отдельная квартира с ключами, кроватью и привычкой приезжать туда снова.

К договору была приложена ещё одна записка. Игнат не стал прятаться за юриста: «Я снимал эту квартиру для встреч с Элиной. Ты всё равно увидишь платежи при разделе счетов. Не хочу, чтобы правда приходила к тебе кусками». Я перечитала дважды. После восьми месяцев лжи он решил выдавать честность порциями и, наверное, считал это первым правильным поступком.

Под столом дрожала нога, хотя руки оставались спокойными. Я передала договор Елене Сергеевне и спросила только, освобождена ли квартира. Юрист ответил, что аренду расторгли, вещи вывезли, ключи передали управляющей компании. От этих деловых подробностей стало хуже. У их связи был адрес. У предательства оказался почтовый индекс.

Встреча закончилась быстрее, чем планировали. Я подписала согласованные пункты и вышла на улицу. Телефон зазвонил, едва закрылась дверь конторы. Игнат. Я смотрела на имя, пока вызов не оборвался. Он позвонил снова. На третий раз я ответила, потому что хотела услышать одну вещь без посредников.

— Я не собирался уходить от тебя, — сказал он вместо приветствия. Голос был усталым, глухим. Видимо, юрист уже успел сообщить, что договор показали. Я остановилась у машины и почувствовала, как злость возвращает силы.

— То есть план был удобный? Я дома, Элина в квартире на набережной, а ты успеваешь в обе жизни? Игнат выругался и сказал, что много раз пытался закончить связь. После первых недель понял, какую мерзость делает, потом испугался признанием добить меня после потери,

а дальше ложь стала привычкой. Я слушала и смотрела на мокрый асфальт. Чтобы снять квартиру, нужно выбрать дом, оформить договор, получить ключи. Слишком много действий для человека, который всё время собирался остановиться.

— Я тебя не разлюбил, Мира.

От этой фразы меня обожгло сильнее, чем от признания про квартиру. Я закрыла глаза и ответила то, что уже знала наверняка: любить меня и восемь месяцев предавать оказалось для него совместимым. Именно это было страшнее всего. Я закончила звонок и внесла номер в блокировку ещё раз.

Вместо дома я поехала на набережную. Елена Сергеевна советовала не искать подробности, которые ничего не изменят. Врач требовала беречься. Я понимала обеих и всё равно набрала адрес в навигаторе. Мне нужно было увидеть место, существовавшее параллельно моей спальне, кухне и больничным палатам.

Консьерж не хотел пускать, но документы на расторжение аренды и фамилия Игната сработали. Представитель управляющей компании открыл дверь на девятом этаже. Внутри после уборки было пусто: диван, стол, кровать, встроенная кухня. Никаких фотографий, одежды и косметики. Только в шкафу за ящиком я нашла тонкую серебряную серьгу.

Я знала её. Подарила Элине пару на двадцатипятилетие. Села на край кровати и держала серьгу на ладони, пока не заболели пальцы. Здесь Игнат мог отвечать на мои звонки и говорить, что задерживается на совещании. Здесь сестра снимала серьги, которые я выбирала ей два часа. Я сфотографировала находку не для суда, а для себя — чтобы тоска когда-нибудь не переписала восемь месяцев в одну случайную ошибку.

Когда я вышла из дома, телефон снова зазвонил. Управляющая компания, конечно, сообщила Игнату о моём визите. Я ответила и услышала злое: «Зачем ты туда поехала?» В этот раз его раздражение уже не ранило, только утомило. Я сказала, что хотела увидеть цену его второй жизни, и отключилась.

Серьгу я оставила у консьержа в маленьком конверте с фамилией Игната. Потом отправила ему фотографию и одно сообщение: «Передай Элине. Она теряет вещи». Больше в тот день мы не разговаривали.

Вечером я открыла папку с документами о разводе и подписала заявление без слёз. Квартира на набережной сделала то, чего не смогли клятвы и объяснения: убила последнюю надежду однажды убедить себя, что всё произошло случайно. У измены были ключи, адрес и семь месяцев оплаченной аренды. Этого мне хватило.

Глава 7

Десять недель после того дня тянулись тяжело и неровно. Я работала, спала, когда получалось, ругалась с подрядчиками, ездила к врачу, училась готовить на одного человека и перестала проверять телефон ночью. Иногда плакала в машине после работы. Иногда не вспоминала Игната до обеда и потом чувствовала за это вину. Беременность росла вместе со мной. На пятнадцатой неделе врач уверенно показала на экране, что у меня мальчик. Я засмеялась, потом расплакалась, потом попросила распечатать снимок. Сына я назвала Матвеем про себя, хотя никому пока не говорила имя.

Савелий знал о беременности и больше никто в бюро. Он не делал из этого тайного союза. Если на объекте нужно было лезть по временной лестнице, отправлял другого архитектора. Если совещание затягивалось, ставил передо мной тарелку с едой и продолжал обсуждать чертежи. Иногда это раздражало, иногда спасало. Мы привыкли друг к другу быстрее, чем я ожидала. Он оказался не тем холодным человеком, которого описывал Игнат. Умел ругаться с подрядчиком так, что тот выходил красный, а через пять минут спорил со мной о цвете фасада и смеялся, когда я называла его вкус пенсионерским.

Развод двигался медленно. Игнат перестал звонить с чужих номеров после того, как мой адвокат официально попросила прекратить давление. Он подписал имущественное соглашение, согласился на продажу дома и выплату моей доли. Иногда присылал короткие сообщения по делу. Я отвечала через Елену Сергеевну. У нас появилась новая форма общения: люди, которые знали друг друга до костей, разговаривали через юристов.

Через несколько дней бюро участвовало в презентации большого городского проекта. Я не хотела идти на вечерний приём, но Савелий напомнил, что концепцию первых этажей делала я и прятаться за чужой фамилией бессмысленно. Пришлось купить платье. Живот уже нельзя было скрыть полностью. В свободной одежде он терялся, но тёмно-зелёное платье мягко облегло талию, и в зеркале я впервые увидела не женщину после измены, а беременную женщину. Это было страшно и красиво одновременно.

Я долго стояла перед зеркалом в примерочной, положив ладонь на живот. Матвей шевелиться ещё не начал, но мне нравилось представлять, что он слышит мой голос. Я сказала ему, что мы справимся с одним вечерним приёмом. Продавщица решила, что я говорю по телефону, и принесла другой размер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.